

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ /
POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES<https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.634-657>EDN: <https://elibrary.ru/uemejr>

УДК / UDC 32:355.01(5-15)(430)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Политика ФРГ на Ближнем Востоке
в области мира и безопасности:
достижения и просчеты

Ф. О. Трунов

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук, <https://ror.org/04j4xtm35>
(г. Москва, Российская Федерация)
ltrunov@mail.ru*

Аннотация

Введение. В начале 2020-х годов стратегическое присутствие Федеративной Республики Германия на Глобальном Юге вступило в фазу системного кризиса. Официальный Берлин попытался обратить эту тенденцию, активизировав политические и военные инструменты на Ближнем Востоке. Их использование декларировалось как вклад в региональный мир и стабильность. Цель статьи – оценить содержание и результативность политических и военных мер ФРГ, а также их реальное влияние на урегулирование конфликтов и баланс сил в регионе.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили документы Ведомства федерального канцлера, Бундестага, Министерства иностранных дел и Министерства обороны ФРГ за 2006–2026 гг. Исследование построено на сочетании сравнительного, ивент- и дискурс-анализа. Это позволило проследить эволюцию внешнеполитической риторики, динамику визитов высшего руководства и формы военного присутствия бундесвера.

Результаты исследования. В рамках курса на «стратегическую сдержанность» Германия формировала позитивный внешнеполитический имидж: в 2003 г. отказалась поддержать вторжение в Ирак, последующие усилия по укреплению позиций (в том числе участие в реформе сектора безопасности и борьбе с ИГИЛ¹) продемонстрировали ограниченную эффективность. По палестинскому вопросу и ливанскому урегулированию Берлин декларировал приверженность формуле «два государства для двух народов» и территориальной целостности Ливана. Однако безусловными приоритетами оставались учет интересов Израиля и особый характер отношений с ним. После 07 октября 2023 года ФРГ выразила политическую солидарность с Израилем в противостоянии ХАМАС

¹ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

© Трунов Ф. О., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и проиранской «оси сопротивления». В 2025–2026 гг. Берлин перешел к открытому курсу на сдерживание Ирана. При этом Германия последовательно избегала прямого военного вовлечения и учитывала позиции монархий Персидского залива.

Заключение. Демонстрируемая Германией осторожность в применении силы служила не столько проявлением взвешенности, сколько маскировкой ограниченного влияния и точечного военного присутствия в регионе. Низкая результативность участия ФРГ в урегулировании конфликтов объясняется смещением целей. Главной задачей Берлина выступает не разрешение конфликтов, а сдерживание акторов, отвергающих западоцентричную модель миропорядка. Статья адресована специалистам в области международной безопасности и исследователям отношений Глобального Севера и Глобального Юга.

Ключевые слова: Германия, Ближний Восток, Израиль, Ирак, палестино-израильский конфликт, Иордания, Ливан, «ось сопротивления», Иран, сдерживание, бундесвер

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Политика ФРГ на Ближнем Востоке в области мира и безопасности: достижения и просчеты. *Регионология.* 2026;34(3):634–657. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.634-657>

Germany's Policy in the Middle East Regarding Peace and Security: Achievements and Miscalculations

P. O. Trunov

*Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, <https://ror.org/04j4xtm35>
(Moscow, Russian Federation)
ltrunov@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the early 2020s, the strategic presence of the Federal Republic of Germany in the Global South entered a phase of systemic crisis. In an attempt to reverse this trend, official Berlin intensified the use of political and military instruments in the Middle East, framing their deployment as a contribution to regional peace and stability. This article aims to assess the content and effectiveness of Germany's political and military measures, as well as their actual impact on conflict resolution and the regional balance of power.

Materials and Methods. The empirical basis of the study draws on documents from the Office of the Federal Chancellor, the Bundestag, the Federal Foreign Office, and the Federal Ministry of Defence for the period 2006–2026. The research combines comparative analysis, event analysis, and discourse analysis, allowing for a systematic examination of the evolution of German foreign policy rhetoric, the dynamics of high-level official visits, and the patterns of Bundeswehr military presence in the region.

Results. Within the framework of the course toward “strategic restraint”, Germany formed a positive foreign policy image: in 2003, it refused to support the invasion of Iraq; subsequent efforts to strengthen its positions (including participation in security sector reform and the fight against ISIS²) demonstrated limited effectiveness. On the Palestinian issue and the Lebanese settlement, Berlin declared its commitment to the “two states for two peoples” formula and to the territorial integrity of Lebanon. However, the unconditional priorities remained consideration of Israel's interests and the special nature of relations with it. After October 7, 2023, the FRG expressed political solidarity with Israel in its confrontation with Hamas and the Iran-backed “axis of resistance”. In 2025–2026, Berlin shifted to an open course of containing Iran. At the same time, Germany consistently avoided direct military involvement and took into account the positions of the Gulf monarchies.

Conclusion. Germany's demonstrated caution in the use of force served not so much as a manifestation of balance as a cover for its limited influence and piecemeal military presence in the region. The low effectiveness of the FRG's participation in conflict resolution is explained by a shift in goals. Berlin's main task is not conflict resolution, but the containment of actors rejecting the Western-centric model of world order. The article is addressed to specialists in the field of international security and researchers of relations between the Global North and the Global South.

² The Islamic State is an international Islamist terrorist organization; its activities are prohibited in the Russian Federation by a Supreme Court decision dated December 29, 2014.

Keywords: Germany, Middle East, Israel, Iraq, Palestinian-Israeli conflict, Jordan, Lebanon, “axis of resistance”, Iran, deterrence, Bundeswehr

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Trunov P.O. Germany's Policy in the Middle East Regarding Peace and Security: Achievements and Miscalculations. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(3):634–657. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.26343.634-657>

ВВЕДЕНИЕ

В большинстве регионов вне Евро-Атлантического сообщества³ в начале 2020-х годов система стратегического (политического и военного) влияния Федеративной Республики Германия (ФРГ) находилась в кризисном состоянии. Если к середине 2010-х годов за пределами зоны ответственности Организации Североатлантического договора (*North Atlantic Treaty Organization, NATO*) использовались 7 тыс. чел. личного состава бундесвера⁴, то через десятилетие – лишь 1 тыс.⁵ Бундесвер был вынужден свернуть свое присутствие в Сомали, Сирии, а главное, Афганистане, Мали и Нигере – важных для ФРГ направлениях военно-политической активности, что наглядно показывает масштаб утраты влияния.

Направив значительные ресурсы на сдерживание России, официальный Берлин рассчитывал сохранить и нарастить оставшиеся стратегические позиции на Глобальном Юге, активно используя политико-дипломатические возможности. Тенденция наиболее отчетлива на Ближнем Востоке⁶. Так, в первую неделю агрессии США и Израиля против Ирана (28 февраля – 6 апреля 2026 года) канцлер Ф. Мерц почти каждый день публиковал новое заявление, чаще совместно с партнерами по «Евротройке» (Великобританией и Францией).

Повышенная конфликтогенность региона порождает для Германии как угрозы безопасности, так и возможности наращивать влияние и присутствие через внесение вклада в ближневосточную стабильность, но лишь при условии результативности последнего. В 2015–2017 годах наступление ИГИЛ⁷ в Сирии и Ираке спровоцировало масштабный кризис беженцев, а также рост террористической активности в Европейском союзе (ЕС), что поставило объединение и саму ФРГ в уязвимое положение.

Сценарий перехода Ирана в «хрупкое» состояние порождает еще более масштабную угрозу стабильности для Германии, ее партнеров по ЕС. Не декларируемое, но фактическое осознание этого в Берлине во многом предопределило его заметную осторожность в иранском вопросе, особенно в военном отношении⁸.

³ Под Евро-Атлантическим сообществом понимаются страны – участницы НАТО и ЕС, сами данные институты.

⁴ Glatz R., Hansen W., Kaim M., Vorrath J. Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel. Berlin: German Institute for International and Security Affairs SWP; 2018. P. 8–11. Available at: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-57787-1> (accessed 28.05.2026).

⁵ Wie lauten die Einsatzzahlen? [Online]. Bundeswehr : website. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/151670-151670> (accessed 28.05.2026).

⁶ Под Ближним Востоком в статье понимается регион, который образуют арабские страны Азии, Арабская Республика Египет, а также Израиль, Турция и Иран.

⁷ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

⁸ См., например: Bundeskanzler Friedrich Merz Erklärt zur Krise in Nahost [Online]. Die Bundesregierung : website. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzler-friedrich-merz-erklaert-zur-krise-in-nahost-2409874> (accessed 28.05.2026).

Однако не противоречило настойчивым попыткам Берлина укрепить позиции в регионе в условиях «разморозки» палестино-израильского конфликта (с октября 2023 года) и последующего резкого ослабления проиранской «оси сопротивления»⁹.

Содействие устойчивому развитию, особенно предоставление официальной помощи (ОПР) таковому, традиционно выступает одной из составляющих деятельности ФРГ в мире – прежде всего, политики в отношении бедных и беднейших стран, в первую очередь находящихся в состоянии вооруженного конфликта. Это направление подробно освещено как российскими, так и иностранными экспертами, в частности применительно к Сирии и Палестине [см., например: 1–4].

Вместе с тем оно не всегда присутствует в усилиях Германии, целью которых декларируется содействие миру и стабильности. Как инструмент ОПР практически не предоставлялась в ходе войны февраля – апреля 2026 года. Причины этого – подчеркнутое политическое дистанцирование Берлина от Исламской Республики Иран (ИРИ), а также то обстоятельство, что арабские монархии, подвергавшиеся воздушно-ракетным ударам, в основной массе не относятся к числу бедных стран [5].

Цель исследования – изучить особенности и результативность использования ФРГ политических и военных возможностей в ходе попыток внести вклад в обеспечение мира и безопасности на Ближнем Востоке.

Статья выстроена по проблемно-географическому принципу и сфокусирована на рассмотрении прежде всего политико-дипломатических шагов ФРГ. Проблемно-географический принцип предполагает последовательное изучение главных очагов напряженности региональной безопасности в их расположении с запада на восток. С опорой на характер отношений Германии с Израилем раскрывается подход к палестинской проблеме, ситуации в Ливане, обеспечению стабильности в Сирии и Ираке, наконец, переход от ограниченной кооперации с Ираном к его сдерживанию.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Рамочную основу при проведении исследования сформировали работы отечественных востоковедов, где дан срез процессов на региональном уровне¹⁰ [5–8].

Российские специалисты уделяли политике Германии на Ближнем Востоке несколько меньше внимания, чем действиям других крупных европейских игроков [9] – Великобритании, Франции, Италии [10]. В частности, акцентируется, что Лондон, в отличие от Белого дома, политически дистанцировался от Израиля при проведении боевых операций в секторе Газа с осени 2023 года. Главная причина этого видится в наличии многочисленных мусульманских диаспор на территории Великобритании, их активных протестных выступлений в поддержку Палестины, что официальный Лондон не мог не учитывать [11; 12]. Париж, также принимая во внимание это обстоятельство [13; 14], старался делать упор на развитие военно-технического сотрудничества с арабскими странами, особенно монархиями Залива [15]. При этом информационно обыгрывалась система присутствия вооруженных сил страны в регионе [16].

⁹ Совокупность акторов, ориентированных на Иран, готовых противодействовать его оппонентам (прежде всего, Израилю). К 2024 году «ось сопротивления» включала «Хезболлу» в Ливане, официальные власти в Сирии во главе с Б. Асадом, шиитские ополчения на юге Ирака, хуситов в Йемене.

¹⁰ Примаков Е.М. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Рос. газ.; 2006. 382 с.

Подход Германии, в отличие от партнеров по «Евротройке», характеризовался гораздо более высоким порогом применения силы и выраженной ориентированностью на Израиль. Последнее положение обычно объяснялось прежде всего признанием исторической ответственности за Холокост, что, однако, представляется недостаточным. Одновременно ФРГ декларировала все более жесткое восприятие Ирана, порицая его политическую систему [17].

Недостаточно изучены причины выбора Германией данной модели поведения с начала 2020-х годов. Не менее важно проследить, как этот курс отразился на отношениях с арабскими странами, в частности с монархиями Персидского залива. Российскими экспертами миссия ЕС *Aspides* затрагивалась, но вклад бундесвера раскрыт фрагментарно [18].

В научной литературе наиболее подробно рассмотрены подходы ФРГ к стабилизации обстановки в Сирии [4]. Однако хронологические рамки исследований ограничены рубежом десятилетий, вследствие чего недостаточно изучены динамика и факторы ослабления германского влияния в Сирии в начале 2020-х годов, меры ФРГ по восстановлению своего влияния после смены власти в Дамаске в конце 2024 года. Попытки комплексно охарактеризовать усилия Берлина на Ближнем Востоке в целом, оценить их реальную эффективность для региональной безопасности – редки.

Мозаичность исследований свойственна и немецким экспертам. На фоне операций ЦАХАЛ в секторе Газа высказывалась обеспокоенность, что кризис беженцев 2015–2017 гг. может повториться [19]. Притом ряд представителей экспертного сообщества, в отличие от официальной позиции Берлина, подверг Израиль жесткой критике за проведение длительных масштабных боевых операций в Газе, сопровождавшихся большими потерями мирного населения [20]. Германские исследователи приветствовали силовую смену власти в Сирии (декабрь 2024 года), но были осторожны в оценке возможности ФРГ укрепить здесь позиции [21].

Зафиксирована обеспокоенность деградацией российско-саудовских отношений¹¹. В экспертном сообществе допускалась вероятность заключения к 2025 г. новой ядерной сделки с Ираном – она рассматривалась как инструмент сдерживания Тегерана и канал продвижения либеральных демократических ценностей [22].

В первые месяцы после «тринадцатидневной войны» (2025 г.), агрессии США и Израиля против ИРИ (2026 г.), ведущие аналитические центры в ФРГ, в частности Немецкий институт международных отношений и безопасности (*Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP*), Федеральная академия по вопросам безопасности (*Bundesakademie für Sicherheitspolitik*), почти не публиковали оценочных работ, что для них нехарактерно. Тем самым фактически признавались высокая степень неопределенности ситуации, сложности прогнозирования в реалиях весны 2026 года. Лишь к осени 2026 года стали появляться материалы, в которых возможность повлиять на ситуацию вокруг Ормузского пролива для держав «Евротройки» оценивалась заметно ниже, чем для США [23].

¹¹ Lukas S., Wigger L. Indien als Aufstrebender Akteur im Nahen Osten: Entwicklungslinien, Herausforderungen und Handlungsmöglichkeiten [Online]. Bundesakademie für Sicherheitspolitik : website. Available at: https://www.baks.bund.de/sites/baks010/files/arbeitspapier_sicherheitspolitik_2024_1.pdf (accessed 28.05.2026).

Таким образом, выявлена фрагментарность исследований политики ФРГ на Ближнем Востоке. При этом комплексная оценка эффективности стратегии Германии на Ближнем Востоке, избранных ею политических и военных тактик, влияния и присутствия на уровне региональной подсистемы в целом позволит систематизировать данные, определить ограничения курса и оценить его влияние на региональный баланс сил.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Теоретико-методологическая база. Исследование опирается на положения теории неореализма (структурного реализма). Ее основной тезис – внешняя политика государства может быть успешна только тогда, когда она отвечает ожиданиям других акторов¹², – использован как объяснительная рамка для анализа успехов и неудач ФРГ в продвижении своего влияния на Ближнем Востоке.

Привлечение указанной теории позволило интерпретировать попытки официального Берлина балансировать между диалогом с Израилем и сохранением полноценных отношений с комплексом арабских государств. В середине 2020-х годов ФРГ стремилась продемонстрировать учет позиции и официального Тель-Авива (Западного Иерусалима), который перешел к прямым военным операциям против ИРИ, и арабских государств, в том числе большинства монархий Залива, избегавших полноценного втягивания в масштабные боевые действия. Такой подход отражал намерения ФРГ соответствовать структурным ограничениям международной системы и учитывать интересы значимых региональных и внерегиональных игроков.

«Стратегическая сдержанность» («стратегическая взвешенность») операционализирована как модель внешнеполитического поведения, при которой демонстрируется высокий порог применения силы, прежде всего стремления предельно сократить боевые формы использования вооруженных сил, подчеркнуть осторожность и готовность выслушать позиции сторон при урегулировании конфликтов.

Материалы исследования. Первичными источниками, составившими основу работы, послужили материалы Ведомства федерального канцлера, Бундестага, Министерства иностранных дел и Министерства обороны Германии за 2006–2026 гг. Это – 26 официальных заявлений, стенограмм заседаний, стратегических документов и отчетов, которые были выбраны как наиболее информативные (в том числе статистически) по стратегической активности Германии на Ближнем Востоке. Их изучение позволило проследить динамику участия ФРГ в переговорных процессах по вопросам безопасности, а также выявить изменения в списке фокусных региональных партнеров.

Анализировались материалы встреч на высшем уровне: протоколы, коммюнике, итоговые заявления дву- и многосторонних переговоров, отразившие эволюцию взаимного восприятия и согласования позиций по региональным вызовам.

Для оценки интенсивности и направленности внешнеполитического взаимодействия ФРГ с государствами Ближнего Востока использовались сведения о дипломатической и военной активности: о системе визитов главы правительства в страны региона, а также о линейке форм военного присутствия бундесвера (включая миссии, ротации, логистическую поддержку).

¹² Waltz K. Theory of International Politics. McGraw-Hill; Wesley Publishing Company; 1979. P. 91–93. Addison-Wesley Series in Political Science.

В качестве **методов исследования** реализованы сравнительный, ивент- и дискурс-анализ.

Ивент-анализ применялся к 14 визитам канцлера в страны региона; ряд поездок представляли собой региональные турне с посещением нескольких государств, каждое из которых посчитано отдельно. Учет осуществлялся по следующим критериям: география, продолжительность, цель, наличие переговоров с главой государства (правительства) или более широким кругом политических фигур, посещение символических для исторической памяти объектов.

Кроме того, ивент-анализ с двойным кодированием задействовался для изучения линейки форм военного присутствия в регионе. Учитывались география, размер контингента, состав, особенности миссии.

Дискурс-анализ использовался для исследования риторики канцлера Ф. Мерца (смыслов, аргументации, нарративов и позиционирования ФРГ как внерегионального актора) в первые дни агрессии США и Израиля против ИРИ весной 2026 года.

Привлечение сравнительного анализа позволило сопоставить подходы ФРГ к взаимодействию с различными группами региональных игроков (Израилем, арабскими государствами, монархиями Залива), выявить противоречия и точки сопряжения интересов, а также оценить степень согласованности действий с ожиданиями основных партнеров.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Приоритет Израиля и историческая ответственность. Германия стремилась поддерживать положительный образ, неизменно подчеркивая историческую вину перед Израилем за трагедию Холокоста. Так, в ходе визитов в страну (табл. 1) канцлер регулярно посещал мемориальный музей-комплекс Яд ва-Шем. Вследствие данного признания ФРГ считала себя ответственной за безопасность израильского государства, декларировала готовность максимально учитывать его обеспокоенности, прежде всего рассматриваемые как угрожающие существованию¹³. В системе межгосударственных отношений ФРГ со странами Ближнего Востока диалог с Израилем занимал приоритетное и обособленное положение.

Таблица 1. Визиты канцлера ФРГ в страны Ближнего Востока в 2021-м – весной 2026-го года

Table 1. Visits of the German Chancellor to the Middle Eastern countries in 2021 – spring 2026

Дата / Date	Страна / Country	Содержание / Contents
1	2	3
<i>Канцлер А. Меркель (завершение легислатуры) / Chancellor A. Merkel (end of term)</i>		
09.10.2021– 11.10.2021	IL	переговоры с премьер-министром, президентом, посещение Яд ва-Шема / meetings with the Prime Minister and the President; a visit to Yad Vashem
16.10.2021	TR	переговоры с президентом / meetings with the President
<i>Канцлер О. Шольц / Chancellor O. Scholz</i>		
01.03.2022– 02.03.2022	IL	переговоры с премьер-министром, президентом, посещение Яд ва-Шема / meetings with the Prime Minister and the President; a visit to Yad Vashem

¹³ Wehrhaft. Resilient. Nachhaltig. Integrierte Sicherheit für Deutschland. Nationale Sicherheitsstrategie. Berlin: Bundesregierung; 2023. S. 11, 19.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
<i>Канцлер О. Шольц / Chancellor O. Scholz</i>		
14.03.2022	TR	переговоры с президентом / meetings with the President
24.09.2022– 25.09.2022	SA	встреча с премьер-министром (наследным принцем) / meetings with the Prime Minister (Crown Prince)
24.09.2022– 25.09.2022	AE	переговоры с президентом (шейхом) / meetings with the President (Sheikh)
24.09.2022– 25.09.2022	QA	встреча с эмиром / meetings with the Emir
07.11.2022– 08.11.2022	EG	участие в ежегодной конференции Организации Объединенных Наций по климату / participation in the annual United Nations climate conference
17.10.2023	IL	переговоры с премьер-министром, президентом и главой Министерства иностранных дел / meetings with the Prime Minister, the President, and the Minister of Foreign Affairs
18.10.2023	EG	переговоры с президентом Арабской Республики Египет и координатором ООН по раздаче гуманитарной помощи / meetings with the President of the Arab Republic of Egypt and the United Nations humanitarian aid coordinator
01.12.2023	AE	участие в ежегодной конференции ООН по климату / participation in the annual UN climate conference
17.10.2024	JO	встреча с королем / meetings with the King
18.10.2024	IL	переговоры с премьер-министром / meetings with the Prime Minister
18.10.2024– 19.10.2024	TR	переговоры с президентом / meetings with the President
<i>Канцлер Ф. Мерц / Chancellor F. Merz</i>		
13.10.2025	EG	участие в подписании плана администрации Д. Трампа по Газе / participation in the signing of the D. Trump administration's plan for Gaza
30.10.2025	TR	переговоры с президентом, посещение мемориала М. К. Ата-тюрка / meetings with the President, visit to the M. K. Atatürk Memorial
06.12.2025	JO	встреча с королем / meeting with the King
07.12.2025	IL	переговоры с премьер-министром, президентом, лидерами оппозиции, посещение Яд ва-Шема / meetings with the Prime Minister, the President, and opposition leaders; a visit to Yad Vashem
04.02.2026	SA	встреча с премьер-министром (наследным принцем) / meetings with the Prime Minister (Crown Prince)
05.02.2026	QA	встреча с эмиром / meetings with the Emir
06.02.2026	AE	переговоры с президентом (шейхом) / meetings with the President (Sheikh)

Примечание: коды стран приведены по стандарту ISO 3166-1 alpha-2 (IL – Израиль, TR – Турция, SA – Саудовская Аравия, AE – Объединенные Арабские Эмираты, QA – Катар, EG – Египет, JO – Иордания).

Note: country codes are given according to the ISO 3166-1 alpha-2 standard (IL – Israel, TR – Turkey, SA – Saudi Arabia, AE – UAE, QA – Qatar, EG – Egypt, JO – Jordan).

Источник: составлено на основании официальных материалов¹⁴.

Source: compiled on the basis of official materials.

¹⁴ Полный список источников доступен у автора по запросу.

Как видно из таблицы 1, в первой половине 2020-х годов канцлер ФРГ осуществлял визиты в Израиль ежегодно, т. е. намного чаще, чем в другие государства региона. При этом усиление ограничительных мер Берлина в отношении РФ после 24 февраля 2022 года (начала специальной военной операции (СВО)) не стало препятствием для поездки О. Шольца в Израиль 01 марта. Кроме того, спустя десять дней после атаки ХАМАС (07 октября 2023 года) канцлер вновь посетил израильское государство.

Сказанное иллюстрирует высокий уровень диалога. Таковым он стал еще в период холодной войны. Так, в 1968 году Западная Германия тайно передала Израилу большой объем урана (200 т) в обмен на лазерную технологию его обогащения¹⁵.

Список региональных партнеров того времени, включая Турцию (страна – участница НАТО с 1952 г.), Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), прежде всего предопределен встроенностью ФРГ в сообщество «западных демократий». Сконцентрированность на конфронтации в Европе на этапе холодной войны обусловила факт заметно ограниченной стратегической деятельности Западной Германии на Ближнем Востоке: она в принципе не была готова задействовать здесь бундесвер. Уже объединенная Германия стала выстраивать присутствие в регионе с 1990-х гг., начав с вовлечения в попытки решить палестино-израильский конфликт и «иракский вопрос».

Германия и вопросы стабильности Ирака. Вслед за США и другими западными партнерами ФРГ стремилась обеспечить стратегические позиции в Ираке, учитывая его уникальное геополитическое положение как связующего звена между арабскими странами и Ираном. Однако формы применения Германией вооруженных сил отличались от используемых англо-саксонскими державами.

ФРГ воздержалась от участия в операции «Буря в пустыне» (январь – февраль 1991 года), но уже в марте 1991 года направила в Персидский залив оперативную группу военно-морских сил (ВМС) для разминирования. Непосредственно в Ираке в 1991–1996 гг. подразделение транспортной авиации бундсвера действовало в составе миссии ООН UNSCOM (*United Nations Special Commission*), которая отслеживала соблюдение Багдадом отказа от разработки оружия массового поражения (ОМП) и оружия массового уничтожения (ОМУ)¹⁶. Также ФРГ не приняла участия в операции военно-воздушных сил Великобритании и США «Лиса пустыни» (1998 г.).

В числе ряда стран НАТО Германия выступила против планов Вашингтона и Лондона вторгнуться в Ирак, не позволила задействовать механизм альянса. Тем самым Берлин снял с себя ответственность за последствия военной кампании «коалиции желающих» (20 марта – 01 мая 2003 года): полураспад страны на три части (населенный преимущественно курдами север, арабами-суннитами центр, шиитами юг) и распространение с середины 2000-х годов международного терроризма¹⁷.

Позиция ФРГ в 2003 году отражала приверженность принципу «стратегической сдержанности», предполагавшему взвешенный подход к применению силы. Главным аспектом политики выступала эффективность содействия Ираку в преодолении

¹⁵ Примаков Е.М. Указ соч. С. 342.

¹⁶ The Bundeswehr on Operations. Berlin: Federal Ministry of Defence; 2009. P. 52.

¹⁷ В 2006 году возникла группировка «Исламское государство Ирака», с 2013 г. именуется ИГИЛ. Признана террористической решением Верховного Суда РФ от 29.12.2014 и запрещена в РФ.

состояния системной уязвимости. В 2004–2011 годах инструкторы бундсвера участвовали в реформе сектора безопасности в рамках военно-тренировочной миссии НАТО NTM-I. Деятельность миссии, прекращенная в 2011 г. одновременно с выводом войск США¹⁸, не обеспечила формирования кадрового потенциала, достаточного для противодействия распространению ИГИЛ¹⁹.

На фоне наступления терроризма по обе стороны от сирийско-иракской границы в 2014 г. ФРГ развернула в районе Эрбиля инструкторов, предоставляла легкое вооружение. Однако к деятельности западной антитеррористической коалиции (создана в сентябре 2014 года по инициативе США)²⁰ по борьбе с ИГИЛ присоединилась с заметным опозданием (с декабря 2015 года) и участвовала в основном использованием самолетов-разведчиков и заправщиков²¹. Тем самым ФРГ демонстрировала определенную обособленность от США на иракском направлении и приверженность «стратегической взвешенности».

Оказываемую помощь Берлин в первую очередь адресовал курдским пешмерга (которые несли наибольшую нагрузку в борьбе с ИГИЛ), во вторую – войскам центрального иракского правительства. Такой подход содействовал проведению референдума о независимости Курдистана 25 сентября 2017 года, к которому Берлин отнесся резко негативно. Приоритеты изменились с 2018 года: подчеркивалась приверженность сохранению целостности страны, акцентировалось сотрудничество с официальным Багдадом²², в том числе при использовании инструкторов. Часть из них тогда же была передана в подчинение вновь созданной военно-тренировочной миссии НАТО NMI.

В 2017–2019 годах войска официального Багдада и курдов освободили большинство оккупированных ИГИЛ территорий. Успех стал возможным прежде всего из-за вынужденного перетока части отрядов боевиков из Ирака в соседнюю Сирию, где РФ и ИРИ нанесли поражение главным силам ИГИЛ в Дамаске. Это привело к росту влияния Тегерана, а также усилению симпатии к нему со стороны населения соседней страны, что заметно сузило окно возможностей для стратегического присутствия ФРГ.

После того как силами США в январе 2020 года в Ираке был убит генерал Корпуса стражей исламской революции К. Сулеймани, официальный Берлин, опасаясь резкой эскалации напряженности, временно эвакуировал инструкторов под предлогом пандемии COVID-19. Уже осенью 2020 года военно-тренировочная деятельность ФРГ под Эрбилем и Багдадом возобновилась. Продолжая действовать в логике «стратегической взвешенности», Германия старалась избежать эффекта

¹⁸ NATO Mission Iraq. 2026 [Online]. NATO : website. Available at: <https://www.nato.int/en/what-we-do/operations-and-missions/nato-mission-iraq> (accessed 28.05.2026).

¹⁹ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

²⁰ NATO Mission Iraq. 2026...

²¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Ausbildungsunterstützung der Sicherheitskräfte der Regierung der Region Kurdistan–Irak und der irakischen Streitkräfte. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 18/7207. S. 2–7. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/18/072/1807207.pdf> (accessed 28.05.2026).

²² Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache. 19/1093. S. 1–8. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/19/010/1901093.pdf> (accessed 28.05.2026).

навязанного иностранного военного присутствия в Ираке. Согласно мандату Бундестага, здесь могли использоваться не более 500 военнослужащих²³. Часть их составлял дислоцированный в Иордании контингент вспомогательной авиации, часть – инструкторы и советники, действовавшие мелкими группами или поодиночке.

Кроме того, Берлин подчеркивал свою роль значимого донора ОПР для Ирака (в модернизации частично разрушенной энергоинфраструктуры последнего участвовала компания Siemens). В результате власти Багдада, в том числе дружелюбно настроенный по отношению к ИРИ премьер-министр М. Шиас-Судани, не поднимали вопрос о выводе военных ФРГ, в отличие от ВВС США, а напротив, положительно оценивали использование бундесвера²⁴.

На фоне агрессии Соединенных Штатов и Израиля против Ирана весной 2026 года Германия, как и в 2020 г., вывела практически всех инструкторов (частично – в расположение контингента бундесвера в Иордании, что указывало на стремление их вернуть). Официальный Тегеран, настаивавший на выводе военных баз США из арабских стран Ближнего Востока, мог адресовать подобное требование также ФРГ; при этом перспективы защиты интересов Германии в рамках политики администрации Д. Трампа выглядели маловероятными²⁵.

Решение об эвакуации свидетельствовало не столько о приверженности «стратегической взвешенности», сколько о слабости позиции в Ираке. Показательно отсутствие поездок туда канцлера ФРГ с конца 2010-х годов (см. табл. 1).

В свою очередь, объединенный контингент в Иордании насчитывал к середине 2026 года менее 130 военнослужащих²⁶. Германия рисковала полностью прекратить участие в реформе сектора безопасности в Ираке, продемонстрировав на данном треке ограниченную результативность (начиная с середины 2010-х годов).

Подход ФРГ к решению «палестинской проблемы» и «ливанского вопроса». К поискам решения этих составляющих арабо-израильского конфликта Германия подключилась соответственно в 1994 и 2006 гг. Неизменно признавая ответственность за Холокост и в связи с этим за безопасность Израиля, ФРГ декларировала невозможность ее обеспечить без создания палестинского государства, т. е. вне реализации формулы «два государства для двух народов».

В 1994 году Германия первой из «западных демократий» учредила диппредставительство в Рамалле, на территории Палестинской национальной автономии (ПНА). Одновременно ФРГ содействовала сближению Израиля с Иорданией. Для ПНА, как и Хашимитского Королевства, Берлин стал одним из основных доноров ОПР. После событий 2006 года ФРГ демонстрировала неприятие ХАМАС (которое начало контролировать сектор Газа), развивая кооперацию с ФАТХ (действовала на Западном берегу р. Иордан) и Хашимитским Королевством.

²³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte – Stabilisierung sichern, Wiedererstarben des IS verhindern, Versöhnung in Irak fördern. Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/12893. S. 2–7. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/128/2012893.pdf> (accessed 28.05.2026).

²⁴ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Sudani am 13. Januar 2023 [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBg9k> (accessed 28.05.2025).

²⁵ Показательно, что за несколько дней до развязывания боевых действий против ИРИ Белый дом неофициально выступил в НАТО с требованием в кратчайшие сроки свернуть деятельность NMI в Ираке.

²⁶ Wie lauten die Einsatzzahlen? 2026 [Online]. Bundeswehr : website. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/151670-151670> (accessed 28.05.2026).

В середине 2010-х годов по доверительности двусторонних отношений Иордания выступала ближайшим партнером Германии в регионе. Официальный Амман принял часть беженцев из Сирии и Ирака, что смягчило миграционный кризис в ЕС. С 2017 года Иордания являлась реципиентом единственного на Ближнем Востоке войскового контингента бундесвера – группировки вспомогательной авиации.

Приверженность ФРГ формуле «два государства для двух народов» проявилась в неготовности следовать решению администрации Д. Трампа перенести посольство из Тель-Авива в Иерусалим (декабрь 2017 года) и этим признать юрисдикцию Израиля над всем городом, а не только его западной частью. Позиция Германии послужила причиной приостановки работы формата межправительственных консультаций с Израилем (с 2018 г.), который функционировал с 2008 г.

Выбор даты запуска площадки обусловлен преемственностью политики ФРГ на ливанском направлении, реализуемой с 2006 г. Бундесвер выполнял координирующую функцию в деятельности военно-морского соединения миссии ООН UNIFIL²⁷ (*United Nations Interim Force In Lebanon*), развернутой по окончании противостояния между ЦАХАЛ и движением «Хезболла». Участие ФРГ в UNIFIL служило демонстрацией приверженности принципу территориальной целостности Ливана и одновременно выражало критическое отношение к потенциальным наземным операциям Израиля и возобновлению блокады побережья. При этом Берлин учитывал озабоченности Тель-Авива, акцентируя поддержку официального Бейрута как внутриливанского фактора сдерживания движения «Хезболла».

Позиция Германии по «палестинской проблеме» и «ливанскому вопросу» имела общие черты. Неизменно подчеркивая важность отношений с Израилем, Берлин старался минимум де-юре учитывать интересы противоположной стороны конфликта. В рамках каждого из региональных треков ФРГ поддерживала один центр политического притяжения (ФАТХ – в Палестине, официальный Бейрут – в Ливане) и декларировала неприятие альтернативных акторов (ХАМАС и «Хезболлы» соответственно). Однако военное противодействие бундесвера отсутствовало (в палестинском контексте) либо было малоэффективным (в ливанском – с учетом незначительного морского потенциала «Хезболлы»). Это иллюстрировало приверженность ФРГ «стратегической сдержанности», стремление избежать прямого вовлечения в боевые столкновения.

В условиях «разморозки» палестино-израильского конфликта (с 07 октября 2023 года) политическая линия ФРГ продемонстрировала преемственность в приоритете безопасности Израиля. Уже 08 октября канцлер О. Шольц в ходе телефонных консультаций с премьер-министром Б. Нетаньяху обозначил ее приоритетом «для национальных интересов Германии»²⁸. А 17 октября О. Шольц, став вторым лидером стран – участниц ЕС, посетившим Израиль²⁹, квалифицировал ХАМАС как террористическую организацию, подверг Иран критике за поддержку движения и признал право Израиля на комплекс мер самообороны³⁰. Берлин также принял

²⁷ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der United Nations Interim Force in Lebanon (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/13753. S. 4, 5.

²⁸ Pressestatement von Bundeskanzler Scholz zur Lage in Israel am 8. Oktober 2023 in Berlin [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBja6> (accessed 28.05.2025).

²⁹ Первым стал премьер-министр Румынии.

³⁰ Pressestatement von Bundeskanzler Scholz anlässlich seines Besuchs im Staat Israel am 17. Oktober 2023 in Tel Aviv [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBjHP> (accessed 28.05.2025).

факт начала масштабной наземной операции ЦАХАЛ в Газе. В октябре – декабре 2023 года О. Шольц в рамках многочисленных консультаций с Б. Нетаньяху избегал упоминания формулы «два государства для двух народов».

Принимая растущую нагрузку в сдерживании России (особенно после начала СВО), Германия стремилась консолидировать кооперацию партнеров вне Евро-Атлантического сообщества, уделяя особое внимание Израилю, что отчетливо проявилось уже в 2022–2023 гг. (см. табл. 1).

Параллельно ФРГ вела переговоры по «палестинскому вопросу» с другими региональными игроками: прежде всего Катаром, ОАЭ, АРЕ и Иорданией (ближайшими партнерами среди арабских стран). С Египтом доверительные отношения установились в конце 2010-х годов, когда А. Ас-Сиси стал рассматриваться как ценный союзник. Через АРЕ Берлин координировал поставки гуманитарной помощи в Газу, получал подробную информацию о ситуации³¹. Хашимитское Королевство также являлось важным партнером: каждые очные переговоры с Б. Нетаньяху (17 октября 2023 и 17 марта 2024 года) О. Шольц дополнял таковыми с королем Иордании (см. табл. 1). Однако на этих встречах приверженность принципу «двух государств для двух народов» обозначалась формально, если учитывать масштаб политической солидаризации с Израилем³².

В военном отношении поддержка партнеру осуществлялась почти точно: Берлин передавал ЦАХАЛ медикаменты, вернул взятые в лизинг у Тель-Авива два дальневысотных беспилотных летательных аппарата Heron. На фоне ослабления ХАМАС и, что более важно для Берлина, протестов представителей мусульманских общин внутри ФРГ О. Шольц осторожно призывал Израиль уменьшить масштаб военных операций в Газе, вводить хотя бы временное прекращение огня, создавать коридоры для вывода мирных жителей, условия для передачи и распределения гуманитарной помощи. В ходе визита в страну 17 марта 2024 года он подчеркнул, что борьба с терроризмом не может вестись лишь военными методами³³. Однако эти заявления служили сугубо тактическими шагами, магистральной оставалась политическая поддержка.

В контексте эскалации на ливано-израильском направлении (воздушных ударов ЦАХАЛ с 23 сентября, наземной операции 01 октября – 22 ноября 2024 года) ФРГ продемонстрировала сбалансированную линию: канцлер О. Шольц дважды провел телефонные переговоры с премьер-министром Ливана Н. Микати³⁴, а бундесвер усилил присутствие в миссии UNIFIL, направив фрегат и удвоив численность контингента (приблизившись к 0,3 тыс. чел.)³⁵. Данные меры отражали приверженность

³¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Abschluss seines Besuchs in Ägypten am 18. Oktober 2023 in Kairo [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBjod> (accessed 28.05.2025).

³² Pressestatement von Bundeskanzler Scholz bei seinem Besuch im Haschemitischen Königreich Jordanien am 17. März 2024 in Akaba [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBjuS> (accessed 28.05.2025).

³³ Terror kann nicht allein mit militärischen Mitteln bekämpft werden [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/zweite-nahostreise-kanzler-2265368> (accessed 28.05.2025).

³⁴ Bundeskanzler Olaf Scholz telefoniert mit dem Premierminister der Libanesischen Republik, Najib Mikati [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBmC6> (accessed 28.05.2025).

³⁵ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der “United Nations Interim Force in Lebanon” (UNIFIL). Deutscher Bundestag, 21. Wahlperiode. Drucksache 21/229. S. 4, 5. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/21/002/2100229.pdf> (accessed 28.05.2025).

Германии территориальной целостности Ливана при одновременном фактическом невмешательстве в военные действия Израиля против «Хезболлы» (включая ликвидацию ее лидера Х. Насраллы).

При дальнейшей интенсификации ударов Израиля по Ливану в 2026 г. (в связке с агрессией против Ирана) ФРГ не нарастила контингент UNIFIL и последовательно избегала публичного осуждения силовых действий Израиля в отношении Ливана, что свидетельствовало о сохранении приоритета партнерских отношений с Тель-Авивом.

Переход к сдерживанию ИРИ как новый приоритет для ФРГ на Ближнем Востоке. Германия воздерживалась от критики Израиля и за другие его военные акции против проиранской «оси сопротивления»: удары по посольству ИРИ в Дамаске (01 апреля 2024 года), по лидеру ХАМАС И. Ханья в Тегеране (31 июля 2024 года), занятию ЦАХАЛ земель к югу от столицы Сирии сразу после силовой смены власти там 08 декабря 2024 года.

Разгром ориентированных на Иран сил соответствовал стратегическим интересам ФРГ. В первой половине 2020-х годов Германия официально акцентировала необходимость сдерживать Тегеран, что служило концептуальным основанием для сохранения и легитимации своего стратегического присутствия на Ближнем Востоке. Данная линия позволяла компенсировать ограниченные успехи в урегулировании региональных вооруженных конфликтов, в частности в противодействии международному терроризму и в сирийском кризисе.

С начала гражданской войны в стране (с 2011 г.) Берлин пытался играть значимую роль, оказывая политическую и финансовую поддержку «умеренной» оппозиции. В 2012–2014 годах Германия активно участвовала в работе «Группы друзей Сирии». Однако этот формат прекратил функционирование в ситуации сохранения власти в Дамаске и стремительной экспансии ИГИЛ³⁶ в районе сирийско-иракской границы. Последнее спровоцировало масштабный миграционный кризис и рост террористической активности в ЕС (2015–2017 гг.).

Данные угрозы поставили объединение и его неофициального лидера – ФРГ – в затруднительное положение. Ни «умеренная» оппозиция в Сирийской Арабской Республике (САР), ни западная антитеррористическая коалиция на сирийско-иракском театре военных действий не смогли сдержать экспансию ИГИЛ. Решающее поражение организации в Сирии, что привело к оттоку сил боевиков и их отступлению в Ирак, нанесла группа незападных игроков. На этом фоне ФРГ, действуя в согласии с другими западными державами, попыталась обеспечить широкое представительство «умеренной» оппозиции в системе власти САР.

Берлин использовал возможности «Малой группы» по Сирии (с 2018 г.), однако после 2020 г. ее активность существенно снизилась. Действующие власти в САР не были готовы предоставить широкие полномочия внутренним оппонентам; используя фактор совместных с Россией и Ираном успехов в борьбе с ИГИЛ, восстановили контроль над большей частью страны. При этом ряд районов (в том числе курдские территории и провинция Идлиб – турецкая зона деэскалации) оставались вне их юрисдикции; в Идлибе сосредоточились остатки формирований

³⁶ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

«умеренной» оппозиции и террористических группировок. Сложившаяся внутренняя конъюнктура в САР обусловила полный отказ ФРГ от военной активности в воздушном пространстве страны³⁷.

Если Германия в начале 2020-х годов сократила присутствие на Ближнем Востоке, то Иран нарастил. Это выступало одной из причин формирования курса ФРГ на сдерживание ИРИ. Данная тенденция прослеживается в эволюции позиции Берлина по отношению к Совместному всеобъемлющему плану действий (СВПД), а также в подходе к проблеме йеменских хуситов.

На фоне дестабилизации Ирака после вторжения (2003 г.) Германия инициировала переговоры «Евротройки» с Ираном по вопросу его ядерной программы. Учитывая добровольный отказ ФРГ от прав на разработку, производство и обладание ядерным оружием (закрепленный «Договором 2+4» 1990 г.), Берлин стремился предотвратить обретение Ираном ОМУ и одновременно не допустить силовой операции против Тегерана, рассматривавшейся в качестве возможного варианта политики США.

Формат «Евротройки» стал к 2006 г. частью «шестерки» по иранской ядерной программе (с участием РФ, США, Китайской Народной Республики). ФРГ при этом являлась единственной участницей без постоянного места в Совете Безопасности ООН и без права на обладание ОМУ, т. е. находилась в группе держав, которые обладали важными атрибутами глобальной субъектности. Закономерно, что ФРГ рассматривала как успех и пребывание в составе «шестерки», и, особенно, выход на ядерную сделку с Ираном 14 мая 2015 года (в рамках СВПД).

После выхода США из СВПД 08 мая 2018 года при администрации Д. Трампа ФРГ выступила активной защитницей сделки. Несмотря на Брекзит, по этому вопросу Соединенное Королевство сохраняло полноценную поддержку партнеров по «Евротройке»; а в переговорный формат фактически интегрировался ЕС как объединение. Администрация Дж. Байдена рассматривала возможность вернуться к ядерной сделке. Однако в 2022–2023 годах Германия, ранее наиболее активный сторонник СВПД в «Евротройке», совместно с европейскими партнерами приостановила участие в соглашении³⁸.

ФРГ выдвигала в адрес ИРИ обвинения в превышении лимитов СВПД по обогащению урана. Однако они выступали скорее формальным поводом, нежели основной причиной напряженности. В условиях смены миропорядка Германия последовательно отстаивала западоцентричную модель и рассматривала сдерживание активных незападных держав как стратегическую необходимость. Недовольство ФРГ и ее партнеров по НАТО вызывали связи с Россией (особенно технико-технологическое сотрудничество в условиях СВО), Китаем; укрепление в начале 2020-х годов «оси сопротивления» на Ближнем Востоке трактовалось как горизонтальная (географическая) эскалация мощи, прогресс в ядерной программе – как вертикальная (функциональная)³⁹.

В конце 2010-х годов Германия ввела и неоднократно продлевала полугодичные эмбарго на поставки вооружений и военной техники в Саудовскую Аравию,

³⁷ Antrag der Bundesregierung... Deutscher Bundestag, 20. Drucksache 20/408. S. 2–7.

³⁸ Das Iranische Nuklearprogramm [Online]. Auswärtiges Amt : website. Available at: <https://elck.ru/3VBq2v> (accessed 28.05.2025).

³⁹ См., напр.: Washington Summit Declaration [Online]. NATO : website. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed 28.05.2025).

ранее являвшуюся значимым направлением германского экспорта в данной сфере. Целью названных мер было побудить КСА, ее партнеров по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) свернуть военные операции против йеменских хуситов – южной части проиранской «оси сопротивления». В Берлине существовали опасения эскалации прокси-конфликта между КСА и ИРИ до уровня полномасштабной региональной войны⁴⁰. Под давлением администрации Дж. Байдена, которая весной 2021 года перестала поддерживать коалицию ССАГПЗ, аравийские монархии свернули боевые операции в Йемене.

В конце октября 2023 года солидаризация хуситов с ХАМАС, ракетные удары по Израилю и блокирование судоходства в Красном море и Баб-эль-Мандебском проливе обусловили резкую трансформацию подходов США, ФРГ и КСА. С декабря 2023 года США и Великобритания использовали против хуситов ВМС. В феврале 2024 года для поддержки англосаксонских держав была учреждена миссия ЕС *Aspides*, в составе которой присутствовал фрегат ФРГ⁴¹. При этом КСА воздержалась от прямого вовлечения в операции против хуситов. Участие Германии в миссии *Aspides* с весны 2024 года свидетельствовало о ее непосредственном включении в противодействие «оси сопротивления» и выступало индикатором перехода к курсу на сдерживание ИРИ.

Открытым оставался вопрос о результативности линии Германии. Весной – летом 2024 года фрегат ВМС ФРГ ограничился сопровождением судов; осенью вернулся на родину. Это можно расценивать как признание ФРГ неэффективности противодействия хуситам, т. е. усилий на южном отрезке «оси сопротивления». Не смогли добиться здесь решающих успехов также основные участники – США и Великобритания.

Качественно иная ситуация сложилась в западной части «оси сопротивления», которая оказалась почти разрушена в конце 2024 года. Удары и наземные действия Израиля (27 сентября – 26 ноября 2024 года) привели к резкому ослаблению «Хезболлы». Внезапное наступление 27 ноября 2024 года из Идлиба (турецкой зоны деэскалации) развернули формирования сирийской оппозиции; основная их часть объединилась в составе группировки «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ)⁴². Ее удары привели к стремительному обрушению прежней вертикали власти в САР уже 08 декабря, когда пал Дамаск. Часть территорий к югу от него заняли войска Израиля.

Трансформация статуса Сирии из союзника Ирана в его оппонента создала для ФРГ потенциально благоприятные возможности. Укрепляя сотрудничество с официальным Бейрутом, Германия оперативно инициировала диалог с новыми властями в Дамаске: уже 03 января 2025 года туда прибыли глава МИД ФРГ А. Бербок и ее французский коллега. В апреле того же года состоялся повторный визит. Берлин

⁴⁰ Wadephul J.D., Schmid N. Waffenembargo gegen Saudi-Arabien. *Internationale Politik*. 2020. Available at: <https://internationalepolitik.de/de/waffenembargo-gegen-saudi-arabien> (accessed 28.05.2025).

⁴¹ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der durch die Europäische Union geführten Operation European Union Naval Force ASPIDES (EUNAVFOR ASPIDES). Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/14044. S. 2–6. Available at: <https://dserver.bundestag.de/btd/20/140/2014044.pdf> (accessed 28.05.2025).

⁴² Решением Верховного суда РФ от 04.06.2020 признана террористической организацией и запрещена в России.

учитывал заинтересованность руководства ХТШ⁴³ экономически – в получении ОПР, дипломатически – в признании со стороны ФРГ и ЕС как объединения⁴⁴.

Однако результаты внешнеполитических усилий ФРГ оказались существенно ниже ожидаемых. В первой половине 2020-х годов Берлин и партнеры по ЕС поддерживали ETILAF – политических представителей сирийской оппозиции, тогда как к власти в декабре 2024 года пришли ее военные формирования (прежде всего ХТШ), ориентированные преимущественно на Турцию. При этом линия Анкары на Ближнем Востоке носила обособленный характер и не совпадала с курсом европейских партнеров по НАТО, включая ФРГ. На данном направлении во взаимодействии Германии и Турции элементы конкуренции преобладали над кооперацией: так, Берлин не пригласил Анкару в «Малую группу» по Сирии, а контакты по «палестинскому вопросу» были весьма ограничены. Дополнительным фактором расхождения позиций выступало то, что президент Р.-Т. Эрдоган, как и многочисленная (порядка 3 млн чел.) турецкая диаспора в ФРГ, занимали жесткую антиизраильскую позицию.

На выбор форм реализации внешнеполитического курса ФРГ в ходе «тринадцатидневной войны» (13–24 июня 2025 года) оказали влияние настроения мусульманских общин в Германии, хотя и не изменили общей направленности германской политики. В условиях воздушно-ракетных ударов Израиля по Ирану – при впервые оказанной Тель-Авиву прямой военной поддержке со стороны США – канцлер Ф. Мерц не осудил действия ЦАХАЛ; 17 июня на полях саммита «Большой семерки» он заявил, что Израиль «...делает грязную работу за нас» (выступление не было опубликовано на сайте Ведомства федерального канцлера).

На фоне прецедентных воздушно-ракетных ударов США по ИРИ 22 июня 2025 года Германия совместно с Великобританией и Францией (партнерами по «Евротройке») опубликовали заявление. На первый план в нем были вынесены требования учитывать интересы Израиля и недопустимости появления у Ирана ОМУ, после чего следовал призыв к переговорам с учетом изложенных условий⁴⁵. В этот период Ф. Мерц провел телефонные переговоры с главами Омана, Катар, а также Турции, показывая, что понимает обеспокоенность мусульманских стран региона, особенно монархий Залива. При этом Германия последовательно избегала военного вовлечения в конфликт, номинально придерживаясь курса на «стратегическую сдержанность».

Сходной оказалась линия Германии в условиях агрессии США и Израиля против Ирана 28 февраля – 06 апреля 2026 года. На старте кампании Ф. Мерц ежедневно выступал с заявлениями по ситуации (их структурированный список представлен в табл. 2), как в формате «Евротройки», так и лично, а 03 марта первым из западных лидеров провел в Вашингтоне переговоры с Д. Трампом (табл. 2).

Как видно из таблицы 2, ФРГ продемонстрировала политическую солидарность с Израилем, стремилась представить себя как защитника монархий Залива, добивалась ослабления мощи ИРИ, в идеале – смены политической системы

⁴³ Решением Верховного суда РФ от 04.06.2020 признана террористической организацией и запрещена в России.

⁴⁴ Außenministerin Baerbock vor ihrer Reise nach Damaskus [Online]. Auswärtiges Amt : website. Available at: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/2706330-2706330> (accessed 28.05.2025).

⁴⁵ Gemeinsames Statement der E3-Staaten zu den Entwicklungen im Iran [Online]. Bundeskanzleramt : website. Available at: <https://clck.ru/3VBrrq> (accessed 28.05.2026).

этой страны. Тегерану Берлин фактически отказывал в субъектности, самой возможности противодействия, принципиально избегал считать таковое ответным и вынужденным.

Таблица 2. Заявления ФРГ по ситуации вокруг Ирана начала весны 2026 года

Table 2. Statements of the FRG on the situation around Iran in early spring 2026

Дата / Date	Формат / Format	Основные положения / Key provisions
28.02.2026	Два заявления, в том числе совместно с лидерами «Евротройки» / Two statements, including a joint one with the leaders of the “E3”	Жесткая критика ИРИ за подавление внутренних протестов, развитие ядерной и ракетной программ / Harsh criticism of the Islamic Republic of Iran for suppressing domestic protests and developing nuclear and missile programs Требования не наносить ударов по Израилю / Demands not to strike Israel Публичное восприятие Корпуса стражей исламской революции в ЕС как террористической организации / Public perception of the Islamic Revolutionary Guard Corps as a terrorist organization in the EU
01.03.2026	Совместное в рамках «Евротройки» / Joint one within the “E3”	Строгое осуждение ударов ИРИ по Израилю и территории арабских стран / Strong condemnation of the Islamic Republic of Iran's strikes on Israel and the territory of Arab countries
02.03.2026	Лично / Personally	Фактический призыв сменить политический строй ИРИ / An actual call to change the political system of the Islamic Republic of Iran
04.03.2026	После переговоров в Вашингтоне / After the meetings in Washington	Подчеркнута необходимость обеспечить отказ Ирана от ядерной и ракетных программ; де-факто определенное разочарование ходом операции / Emphasis on the need to secure Iran's renunciation of its nuclear and missile programs; de facto expressed disappointment with the course of the operation

Source: Kanzler Merz zur Situation im Nahen Osten. Bundeskanzleramt [Online]. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/kanzler-merz-zur-situation-im-nahen-osten-2409140> (accessed 28.05.2026) ; E3 Statement on Indiscriminate Iranian Attacks on Countries in the Region. Available at: <https://clck.ru/3VBs89> ; Iranerinnen und Iraner haben eine bessere Zukunft verdient. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/kanzler-statement-naher-osten-2409172> ; Schwierige Zeiten verlangen starke Partnerschaften. Available at: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/merz-trump-treffen-usa-2409474>

Уже в первую неделю конфликта амбиции ФРГ по трансформации политического облика Ирана существенно снизились. Декларативная активность Берлина сочеталась с фактической неготовностью задействовать бундесвер; в частности, была отклонена инициатива администрации США по участию в разблокировке Ормузского пролива. По мере эскалации боевых действий либеральный истеблишмент ФРГ аккуратно, но последовательно акцентировал неудачи администрации Д. Трампа – своего идейного оппонента в западном лагере. В этом контексте Германия вновь демонстрировала приверженность линии на сдержанность в применении силы на Ближнем Востоке.

ОБСУЖДЕНИЕ

Работа дополняет теорию урегулирования конфликтов за счет эмпирической оценки тактической эффективности и стратегической результативности действий

западного государства, которое позиционировало себя как взвешенного актора в вопросах применения силы. В фокусе – анализ того, насколько балансирующая стратегия ФРГ способствовала или препятствовала урегулированию региональных противоречий и формированию устойчивых механизмов безопасности.

При определении эффективности учитывалось, как принятое решение отражалось на изменении характера и объемов кооперации с партнерами на Ближнем Востоке (в том числе политических контактов на высшем уровне), размерах и географии размещения контингентов бундесвера.

При оценке результативности рассматривались прежде всего последствия для региональной безопасности: происходило ли реальное продвижение в деле урегулирования, не способствовало ли это фактическому укреплению ультрарадикальных сил, особенно группировок международного терроризма.

Проведенное исследование существенно расширило и дополнило положения опубликованных ранее работ по стратегической активности ФРГ на Ближнем Востоке в двух взаимосвязанных отношениях. Проведено комплексное изучение политических и военных усилий Германии по состоянию на середину 2020-х годов на уровне региональной подсистемы в целом; выявлена главная детерминанта, объясняющая выбор всего спектра современных тактик поведения на Ближнем Востоке, – стремление обеспечить западоцентричность вновь формирующегося миропорядка. Это обуславливает сохранение особого отношения к Израилю и разворот от ограниченной кооперации к жесткой риторике по сдерживанию Ирана как развивающейся незападной державы.

По состоянию на середину 2020-х годов стратегическое влияние Германии на Ближнем Востоке являлось ограниченным, военное присутствие – скорее точечным (табл. 3).

Таблица 3. Характеристика присутствия военно-морских сил бундесвера на Ближнем Востоке на май 2026 года

Table 3. Characteristic of the Bundeswehr naval presence in the Middle East as of May 2026

Часть региона / Part of the region	Миссия / Mission	Численность контингента, чел. / Number of personnel, people
Ливан (прибрежные воды) / Lebanon (coastal waters)	UNIFIL (ООН) / UNIFIL (UN)	194
Иордания и Ирак / Jordan and Iraq	Антитеррористическая коалиция / Anti-terror coalition	161
Красное море / Red Sea	EUNAVFOR Aspides (EC / EU)	12
Итого / Total	3	367

Source: Wie lauten die Einsatzzahlen? 2026 [Online]. Bundeswehr : website. Available at: <https://www.bundeswehr.de/de/151670-151670> (accessed 28.05.2026).

Как видно из таблицы 3, в трех миссиях участвовали менее 0,4 тыс. чел. личного состава бундесвера. При этом контингент не включал наземные подразделения, традиционно рассматриваемые как наиболее значимый компонент военного присутствия.

Участие ВМС ФРГ в миссии Aspides выступает наиболее показательным примером (единственным в настоящее время) попыток Германии оказать военное

противодействие «оси сопротивления» Ирана: ввиду неэффективности действий в Красном море и Баб-эль-Мандебском проливе Берлин сократил свое участие до номинальных значений. Данная тенденция коррелирует с отсутствием наращивания германского контингента в Иордании и Ираке (в последнем – с сокращением числа инструкторов), а также с уязвимостью вспомогательной авиации бундсвера на авиабазе Аль-Ашрак, ставшей потенциальной мишенью для ударов беспилотных летательных аппаратов и ракет со стороны ИРИ в контексте эскалации, спровоцированной действиями США и Израиля. Ограниченный масштаб участия в миссии UNIFIL (экипаж корвета и нескольких катеров) демонстрирует невысокий потенциал бундсвера по влиянию на ситуацию в Ливане, что подтверждается его пассивностью в условиях наступательных действий ЦАХАЛ и противодействия «Хезболлы».

Ограничения исследования обусловлены двумя факторами: доступностью лишь стенограмм пресс-конференций (без материалов самих переговоров на высшем уровне); а также фрагментарностью данных о содержании и объемах военного экспорта ФРГ в страны региона – профильные ежегодные отчеты с 2022 г. не публикуются в открытом доступе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приверженность ФРГ концепции «стратегической сдержанности» в действительности служила не столько демонстрацией взвешенного подхода к применению военных инструментов, сколько маскировкой ограниченности и уязвимости германского присутствия на Ближнем Востоке. Это отчетливо проявилось в контексте войн США и Израиля с Ираном в июне 2025 и феврале – апреле 2026 года. Если степень тактической эффективности германского участия в решении региональных проблем безопасности варьировала, то результативность на рассмотренных направлениях к середине 2020-х годов оказалась низкой.

В Ираке усилия ФРГ не обеспечили действенной поддержки в борьбе с ИГИЛ⁴⁶, а вклад в преодоление «хрупкого» состояния страны был незначительным. Формально официальный Багдад и курдские власти позитивно относились к присутствию на подконтрольных им территориях бундсвера (в том числе в рамках подготовки местных кадров и авиаразведки), на практике Берлин сталкивался с существенными трудностями в поддержании своего присутствия в условиях ужесточения противостояния США, Израиля и ИРИ.

ФРГ неизменно акцентировала значимость диалога с официальным Тель-Авивом (Западным Иерусалимом) и демонстрировала политическую солидарность с Израилем. Операции ЦАХАЛ, нацеленные на ослабление партнеров ИРИ, особенно участников «оси сопротивления», и снижение военно-политического потенциала Тегерана, фактически соответствовали интересам германского истеблишмента. Единственным ограничителем для Берлина выступало стремление избежать трансформации иранской территории в зону нестабильности, способную стать источником масштабных угроз безопасности ЕС – по аналогии с ситуацией в Ираке и Сирии в середине 2020-х годов.

⁴⁶ Исламское государство – международная исламистская террористическая организация; деятельность запрещена на территории РФ решением Верховного суда от 29.12.2014.

Масштабы военной кооперации сторон, в том числе по линии вооруженных сил, оставались незначительными как по объему, так и по числу направлений взаимодействия. Порог применения силы у Израиля существенно уступал германскому, причем разрыв увеличился с 2023 г. В условиях расширения масштабов и географии боевого использования ЦАХАЛ официальный Берлин опасался оказаться втянутым в операции Израиля, вовлечения в израильские операции, что могло подорвать имидж ФРГ как сдержанного в использовании силы актора. Со своей стороны Израиль не усматривал практической ценности в присутствии бундесвера в регионе ввиду ограниченного численного состава (см. табл. 3) и невысокой военной эффективности.

Германия на фоне ослабления потенциала ХАМАС и «Хезболлы» к 2025 г. вновь акцентировала формальную готовность учитывать интересы ПНА (прежде всего, ФАТХ) и официального Бейрута. На обоих направлениях призывая Израиль к скорейшему прекращению боевых операций, особенно наземных, ФРГ в первом случае пыталась смягчить гуманитарную катастрофу в секторе Газа, транслируя формулу «два государства для двух народов», во втором – призывала соблюдать территориальную целостность Ливана.

Однако реальная способность Берлина влиять на военную активность Израиля была ограничена, а соответствующая линия преследовала преимущественно имиджевые цели: формирование позитивного образа в арабском мире и укрепление связей с ПНА, Ливаном и, особенно, с Иорданией, формируя их потребность в Берлине. Хашимитское Королевство оставалось к середине 2020-х годов ближайшим партнером Германии среди мусульманских стран и единственным реципиентом германского войскового контингента.

Вместе с тем указанные достижения не компенсировали слабости стратегических позиций ФРГ в регионе, обусловленной низким уровнем доверия в отношениях с Турцией и сложностями во взаимодействии с Саудовской Аравией, что согласуется с положениями неореализма. Неготовность практически всех арабских стран в 2025–2026 гг. поддерживать военные кампании Израиля и США против Ирана существенно влияла на позицию ФРГ: предпринятая в марте 2026 года попытка содействовать деэскалации вокруг ИРИ в формате «Евротройки» (с расчетом повысить заинтересованность монархий Залива и Ирака) не позволила достичь заявленных целей.

Преодоление системного кризиса ослабления германских позиций на Ближнем Востоке возможно лишь при существенном повышении результативности участия ФРГ в решении региональных проблем безопасности. Это предполагает отход от логики сдерживания незападных центров притяжения, что маловероятно в среднесрочной перспективе.

Дальнейшие исследования целесообразно ориентировать на комплексный анализ стратегической активности Германии как в рамках региональной подсистемы, так и по отдельным направлениям с учетом значимых трансформаций регионального ландшафта (в том числе итогов противостояния ИРИ с США, динамики сближения Турции и Саудовской Аравии).

Полученные выводы могут быть использованы в преподавании дисциплин по современным международным отношениям, истории внешней политики, проблемам международной безопасности и внешнеполитическому курсу ФРГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Meier A. Resilienzförderung als Lösung für Langandauernde Fluchtsituationen? *SWP-Aktuell*. 2021;(A61). <https://doi.org/10.18449/2021A61>
2. Попова О.П. Деятельность ФРГ по содействию экономическому развитию нестабильных государств. *Современная Европа*. 2018;(2):73–84. <https://doi.org/10.15211/soveurope220187384>
3. Белов В.Б. Германия как хозяйственно-политический актор на Большом Ближнем Востоке: между стратегической инерцией и геоэкономической адаптацией. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):199–215. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.11>
4. Павлов Н.В., Хдери К. ФРГ и кризис в Сирии: активный посредник или пассивный наблюдатель? *Мировая экономика и международные отношения*. 2020;12(64):78–86. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-78-86>
5. Звягельская И.Д., Кадырмабетов Т.М., Лазовский С.О., Тюкаева Т.И. Ближний Восток и ЕС: проблемы, возможности и перспективы. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):31–49. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.02>
6. Наумкин В.В. Ближневосточная мозаика: синергия внутренних и внешних факторов. *Проблемы национальной стратегии*. 2026;(2):32–41. <https://www.elibrary.ru/euzqla>
7. Крылов А.В., Федорченко А.В. Ближний Восток перед лицом старых проблем и нового вызова. *Мировая экономика и международные отношения*. 2022;66(3):33–43. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-33-43>
8. Иванов С.Е. Ближний Восток в поиске своего места в условиях складывающегося многополюсного миропорядка. *Дипломатическая служба*. 2024;(1): 69–74. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2401-09>
9. Хлопов О.А. Экономический коридор «Индия – Ближний Восток – Европа»: интересы и возможности США. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2025;(3):34–45. <https://elibrary.ru/cckjzlr>
10. Алексеенкова Е.С. Ближний Восток и Северная Африка во внешней политике Италии: подходы к проблемам безопасности. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):250–276. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.14>
11. Васильев В.С. Геополитические интересы Великобритании в палестино-израильском конфликте на Большом Ближнем Востоке. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):101–119. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.06>
12. Новикова О.Н. Радикализация мусульманского сообщества в Великобритании в контексте обострения палестино-израильского конфликта. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):120–135. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.07>
13. Лапина Н.Ю. Этнокультурные метаморфозы Франции и проблема адаптации иммигрантов. *Актуальные проблемы Европы*. 2024;(3):81–100. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.05>
14. Новикова О.Н. Мобилизация диаспор в Европе. *Актуальные проблемы Европы*. 2024;(3):174–190. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.10>
15. Чернега В.Н. Ближний Восток в государственной политике Франции (1958–2025). *Россия и современный мир*. 2025;(4):109–128. <https://elibrary.ru/wonvmb>
16. Чернега В.Н. Военное присутствие и экспорт оружия в стратегии Франции на Ближнем Востоке. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):136–153. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.08>
17. Арзаманова Т.В. Политика ФРГ в отношении Ирана и Израиля: в поиске новых смыслов. *Актуальные проблемы Европы*. 2025;(4):216–233. <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.12>
18. Шумилин А.И. Красноморская миссия Евросоюза. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2024;(1):17–24. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120241724>
19. Roll S. Eiszeit für den “Kalten Frieden” Zwischen Ägypten und Israel. *SWP-Aktuell*. 2024;(A13). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2024A13>
20. Asseburg M., Lintl P. Israels Radikale Regierung: Abbau der Gewaltenteilung, Übernahme des Staatsapparates und Beschleunigte Annexion. *SWP-Aktuell*. 2025;(A16). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A16>
21. Adar S., Asseburg M., Azizi H., Klein M., Steinberg G. Der Politische Übergang in Syrien: Regionale und Internationale Interessen. *SWP-Aktuell*. 2025;(A09). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A09>

22. Zamirirad A. Neue Atomgespräche mit Iran: Herausforderungen und Handlungsoptionen für Europäische Politik. *SWP-Aktuell*. 2025;(A22). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A22>
23. Schaller C. Der Konflikt um die Straße von Hormus. *SWP-Studie*. 2026;(S12). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2026S12>

REFERENCES

1. Meier A. Resilienzförderung als Lösung für langandauernde Fluchtsituationen? *SWP-Aktuell*. 2021;(A61). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2021A61>
2. Popova O.P. Economic Development Cooperation with Fragile States: Experience of FRG. *Contemporary Europe*. 2018;(2):73–84. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope220187384>
3. Belov V.B. Germany as an Economic and Political Actor in the Greater Middle East: Navigating between Strategic Inertia and Geo-Economic Adaptation. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):199–215. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.11>
4. Pavlov N.V., Khderi K. German Federal Republic and Crisis in Syria: Active Mediator or Passive Observer? *World Economy and International Relations*. 2020;12(64):78–86. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-12-78-86>
5. Zvyagelskaya I.D., Kadyrmambetov T.M., Lazovskii S.O., Tyukaeva T.I. The Middle East and the EU: Challenges, Opportunities and Prospects. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):31–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.02>
6. Naumkin V.V. The Middle Eastern Mosaic: Synergy of Internal and External Factors. *National Strategy Issues*. 2026;(2):32–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/euzqla>
7. Krylov A., Fedorchenko A. Middle East in the Face of Old Problems and New Challenges. *World Economy and International Relations*. 2022;66(3):33–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-33-43>
8. Ivanov S.E. The Middle East in Search for Its Place under Forming Conditions of Multipolar World Order. *Diplomatic Service*. 2024;(1):69–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.33920/vne-01-2401-09>
9. Khlopov O.A. The India – Middle East – Europe Economic Corridor: U.S. Interests and Opportunities. *USA and Canada. Economics – Politics – Culture*. 2025;(3):34–45. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/cckjzlr>
10. Alekseenkova E.S. Middle East and Northern Africa in Italian Foreign Policy: Approaches to Security Challenges. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):250–276. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.14>
11. Vasiliev V.S. Britain's Geopolitical Interests in the Palestinian-Israeli Conflict in the Greater Middle East. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):101–119. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.06>
12. Novikova O.N. Radicalization of the Muslim Community in Great Britain in the Context of the Escalating Palestinian-Israeli Conflict. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):120–135. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.07>
13. Lapina N.Yu. Ethnocultural Metamorphoses of France and the Problem of Adaptation of Immigrants. *Current Problems of Europe*. 2024;(3):81–100. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.05>
14. Novikova O.N. Diaspora Mobilization in Europe. *Current Problems of Europe*. 2024;(3):174–190. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.10>
15. Chernega V.N. The Middle East in France's State Policy (1958–2025). *Russia and Contemporary World*. 2025;(4):109–128. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/wonvmb>
16. Chernega V.N. Military Presence and Arms Export in France's Middle East Strategy. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):136–153. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.08>
17. Arzamanova T.V. German Policy Towards Iran and Israel: In Search of New Interpretations. *Current Problems of Europe*. 2025;(4):216–233. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/ape/2025.04.12>

18. Shumilin A.I. European Union Red Sea Mission. *Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN*. 2024;(1):17–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran120241724>
19. Roll S. Eiszeit für den “Kalten Frieden” zwischen Ägypten und Israel. *SWP-Aktuell*. 2024;(A13). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2024A13>
20. Asseburg M., Lintl P. Israels Radikale Regierung: Abbau der Gewaltenteilung, Übernahme des Staatsapparates und Beschleunigte Annexion. *SWP-Aktuell*. 2025;(A16). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A16>
21. Adar S., Asseburg M., Azizi H., Klein M., Steinberg G. Der Politische Übergang in Syrien: Regionale und Internationale Interessen. *SWP-Aktuell*. 2025;(A09). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A09>
22. Zamirirad A. Neue Atomgespräche mit Iran: Herausforderungen und Handlungsoptionen für Europäische Politik. *SWP-Aktuell*. 2025;(A22). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2025A22>
23. Schaller C. Der Konflikt um die Straße von Hormus. *SWP-Studie*. 2026;(S12). (In Germ.) <https://doi.org/10.18449/2026S12>

Об авторе:

Трунов Филипп Олегович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-кт, д. 51/21), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>, Researcher ID: AAC-7844-2020, Scopus ID: 57211605240, SPIN-код: 4235-8120, 1trunov@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 04.06.2025; одобрена после рецензирования 29.06.2026; принята к публикации 09.07.2026.

About the author:

Philipp O. Trunov, Dr.Sci. (Polit.), Leading Researcher, Department of European and American Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (51/21 Nakhimovskiy prospect, Moscow 117418, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>, Researcher ID: AAC-7844-2020, Scopus ID: 57211605240, SPIN-code: 4235-8120, 1trunov@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 04.06.2025; revised 29.06.2026; accepted 09.07.2026.